Выходитъ що пятницы во Львовѣ. Цѣна на рокъ съ почтою 4 зр. 40 кр. ср. полр. 2 злр. 20 кр. чвертр. 1 злр. 10 кр. на мѣстци 4 злр.

ЗОРЯ ГАЛИЦКА

Предплата отбираетъся въ бюрѣ дирекціи книгопечатной Института Ставропигіянского.

ПИСЬМО ПОСВЯЩЕННОЕ ЛИТЕРАТУРѢ И ЗАБАВѢ.

ЧИСЛО 30. Львовъ, 20 Липня 1856. РОКЪ IX.

КОРОЛЕДВОРСКАЯ РУКОПИСЬ

II. БЕНЕШЪ ГЕРМАНОВЪ.

Гой ты солнце, миле солнце!
Що твой лучъ такъ блѣдный?
Що такъ жалко освѣчаешь
Наши люди бѣдны?

Где есть князь нашъ, где людъ бранный?
Въ Оттовой землици!
Ктожъ насъ выдретъ съ вражьей лапы?
Сирото властице!

Долгимъ тягомъ Нѣмцы тягнутъ —
Нѣмцы то Саксоны —
Отъ лѣсистыхъ горъ Згорѣльскихъ
Въ нашіи болони.

Дайте золото и сребра,
Дайте небожатка!
Незабавкомъ пойдетъ съ дымомъ
Вашъ дворъ, ваша хатка.

Ой все намъ повыжигали,
Сребра, злато взявши;
И стада съ собой угнали;
Къ Троскамъ тягнутъ дальше.

Не тужи-но больше кметіо!
Встанетъ травка вбита,
Що такъ долгій часъ топтали
Насъ чужи копыта.

Вій вѣнецъ спасителеви
Съ полевого цвѣта;
Нивы вотъ зазеленѣлись,
Сникнетъ горе съ свѣта.

Скоро все перемѣнилось.
Тамъ народъ въ громады
Силный Германа сынъ Бенешъ
Зветъ Саксонцевъ ради.

И собрались кмети въ лѣсѣ
Подъ Грубой скалою,
Всякъ за ружье на Саксонцевъ
Цѣпъ имѣлъ съ собою.

Бенешъ, Бенешъ въ передъ ѣдетъ,
Людъ за нимъ весь въ танецъ;
„Мести" кличетъ — „мести нашей
Не уйдетъ поганецъ!"

И схватились оба войска,
Столклись якъ бѣшены;
Взволновалися утробы
Въ мужахъ розъяренны.

Розъогнилися ихъ очи,
Прыщутъ искры страшно;
Встали конья по надъ конья,
Кій надъ кій ужасно.

Обѣ стороны въ сраженье,
Якъ лѣсъ въ лѣсъ валятся,
И якъ грома блескъ по небѣ,
Такъ мечи блестятся.

Зазвучалъ крикъ грозоносный,
Всполошилъ звѣрину,
Всполошилъ небесны птахи
По третью вершину.

Роздается по долинахъ
Отъ вершинъ скалистыхъ,
Ту кіевъ трескъ ту мечей трескъ
Якъ ломъ древъ вѣчистыхъ.

Такъ стояли оба войска,
Оба непрогнуты,
Каждый вставилъ пяту твердо,
Шлютъ удары люты.

Обратился Бенешъ въ гору,
Мечъ на право двигнулъ,
И тамъ силы ся горнули,
Потомъ въ лѣво кивнулъ;

Въ лѣво бурилися силы,
И взошли на скалы,
И изъ лома все каменье
На враговъ вергали;

И изъ лома въ ровень сбѣгли;
Нѣмцы завопили
И на стороны рознеслись;
Наши ихъ побили.

Другая выпись изъ записокъ второго Путешествія зъ Рима въ Ерусалимъ священника гр. каѳ. церкви Ипполита Терлецкого.

Ночь въ Божомъ гробѣ.

(Конецъ)

Не всѣ бо есть що милостивый Богъ оубогащаетъ сердца народа нашего простотою, щирою, искренною вѣрою больше нежь иныхъ — не всѣ подарилъ насъ любовію истины, любовію искреннихъ и долготерпѣливостію, а отнимаетъ отъ сердецъ нашихъ дꙋха ненависти, гордости и оупрѧмости.

Каждый народъ, кажда держава имѣетъ на земли свое назначеніе отъ Бога. По воли чи по неволи нꙋжно есть достигнꙋти ей сіе назначеніе, та счастливый тотъ народъ, котрый понимаетъ оное, та не ставлѧетъ перепонъ волѣ Божіей. Отже внꙋтренніи оуспособленіѧ славѧнского дꙋха, многочисленность народа, вліѧніе и премогꙋщество надъ всѣмъ востокомъ, дивное воздвиженіе народного чꙋвства, теченіе и розвитіе историческое — все сіе приклонѧетъ вѣровати, що великое дѣло соединненіѧ церквей предъꙋстановленіемъ Божимъ назначено славѧнамъ, найпаче же царьствꙋ московскомꙋ. Зъ одной во стороны самое лишь сіе царьство имѣюще по себѣ согласіе всего народа славѧнского, потѧгнꙋти можетъ и всѣ церкви восточныи, а зъ дрꙋгой стороны оно такожде одно одержати можетъ отъ папы римского возвращеніе къ древнимъ правиламъ церковнымъ, оусерднѣйшее сохраненіе и честь длѧ св. обрѧдовъ восточныхъи возвращеніе патріархамъ ихъ древнихъ преимꙋществъ и достойности; ровность во всемъ всѣхъ обрѧдовъ, однакость преимꙋществъ, достойности и чести длѧ всѣхъ церквей — О нѣтъ! сіе не всꙋе.... не щетны то лишь дꙋмки моей мысли: Се истина! — глꙋбочайшее вниманіе, поглѧдъ на событіѧ прошедшихъ лѣтъ, смиренное розбираніе воли божіей, оудобно наведетъ на сію оувѣренность каждого человѣка, оусердно искающего истины. Нѣть! ѧ не прильщаюсѧ! славѧне первыи розлꙋчившихъ сѧ церквей догадаютсѧ сего; оны первыи подадꙋтъ рꙋкꙋ братнього сомиреніѧ.

Такіи дꙋмки воздвиглисѧ изъ глꙋбины дꙋши моей, розрадовали сердце мое оу божого гроба. Охъ когдабъ мысли мои сіи сердечныи порнꙋли отъ пресвѧтого гроба Божіего по широкихъ степахъ славѧнскихъ, долетѣли слꙋховъ владыкъ оуправлѧющихъ церквами нашего народа, постигли ажь до самого престола великого царѧ всероссійского — то может голосъ сей хотѧ недостойнымъ смиреннымъ и незнакомымъ человѣкомъ произнесенъ, сꙋжалъ бы возбꙋдити въ щирыхъ ихъ сердцахъ истинное желаніе сего соединненіѧ, та началобы сѧ великое дѣло — превоз

висница вселенького господьства Христа на земли.

Долго такъ погрѫженномꙋ въ мыслахъ и задꙋманномꙋ мнѣ, монахъ греческого исповѣданїя славянинъ Бꙋлгаръ пришелъ возвѣстити, що оуже на времени грекамъ начинати св. литꙋргїю. Оудалъ ѧ сѧ до первой коморы где найшелъ оуже и консꙋла молящего сѧ приклонивъ колѣна на клячникꙋ тамъ приготовленномъ для него. Присꙋтствовали мы оба литꙋргїѣ греческой совершаемой якимсь монахомъ. Сей часъ послѣ греческой Армяне стали спѣвати свою литꙋргїю; консꙋлъ присꙋтствовалъ ей, ѧ же пошелъ пригорнꙋтися и приготовити къ богослꙋженїю. Не мешкая началъ ѧ св. литꙋргїю — Присꙋтствовалъ консꙋлъ, а дїяконъ латинскїй г. Тонгръ оуслꙋгивалъ. Много моноховъ греческого исповѣданїя по большей части славяне приглядалися богослꙋженїю и надслꙋхивали языка.

Совершивши св. литꙋргїю, та поблагодаривши Богꙋ за такъ превеликое Его надомною грѣшнымъ милосердїе, та за сїе що позволилъ отперти мнѣ приставъ къ жертвенникꙋ Божого гроба, обошли мы съ консꙋльомъ и г. Форкенъ Жансонъ всѣ статꙋи св. храма.

Была то недѣля 9 октобря. Всѣ исповѣданїя по своихъ церквахъ начали слꙋжити св. литꙋргїю. Въ оутро отчинили двери св. храма. Народъ стремился присꙋтствовати богослꙋженїю, каждый своего исповѣданїя, обряда и языка. Розличнообразны лицемъ, цвѣтостїю и одеждою. Черныи Абиссинцы, но изъ лица подобны Европейцамъ, Негры низкого чела, грꙋбыхъ оустъ, и кꙋчеравого короткого черного волоса; опаленныи чернявыи Арабы, бѣлыи черноволосыи Армяне, Сирїяне, Греки и Европейцы, во своихъ народныхъ одеждахъ бѣгли поклонитися Богꙋ, владыцѣ и Господеви всѣхъ. Отозвался органъ латинскїй, протяглый сꙋмный спѣвъ Грековъ, розличнозвꙋчны спѣвы всѣхъ иныхъ обрядовъ. Хотя мꙋзыческое якое оухо безъ сомнѣнїя не найшло бы тамъ было красоты звꙋковъ, то менѣ сїе многозвꙋчїе солодко та любо заграло въ дꙋшѣ, понеже мнѣ казалось бачити съ тѣмъ спѣвомъ возносящимся подъ небеса, всю вселеннꙋю единодꙋшно поклоняющꙋю сѧ и воздающꙋю хвалꙋ единомꙋ истинномꙋ въ тройцѣ пресв. Богꙋ. О горе! горе! многозвꙋчныи голосы сливаются кꙋпно ко воздꙋсѣ, а вѣра, чꙋвства и понятїя, котрыи бꙋ должны соединити и связати людей, розторгивают и роздѣляютъ ихъ. О милости небесная! снійди, розлійся по сердцахъ человѣческихъ.

Посѣтили мы всѣ капицы, где розличныи совершали сѧ литꙋргїи. По совершенїю св. богослꙋженїй возвратились мы до дома г. консꙋла где обѣдъ ожидалъ насъ.

Ꙋтро и день.

Повѣсть изъ новѣйшихъ временъ.

(продолженїе).

V

Минꙋло лѣто, минꙋла осень, и забрала въ свое конающее лоно зовялы природны дѣти, а острая зима загостила на розрꙋшенномъ престолѣ земли-матери. . , .

„А запрягайте кони Порфирїй!" озвался Іоаннъ изъ входовыхъ дверей прихода.

— „Добре мой паничꙋ! но ѧ бачилъ, що бꙋланая кобылка храмаетъ; бꙋдемо ѣхати якъ жиды на торгъ!" мовилъ говорливый дякъ, закꙋтанный въ новый кожꙋхъ.

„Ей" то возмете вороного! быстрая то шкапа."

—„О го! се понравилось мнѣ. Оуже иншю минш наберш до того пышного коня! И поторопился старый Порфирій до стайни, дабы свои коники до саней запричи...

А Іоаннъ одѣвается въ новыи шубы, и наряжается до великой дороги. До великой — бо ѣдетъ онъ до своей милой Ванды, дабы обручитися и оуконьчити разъ тое скучное кавалерское житье. Оуже изъображаетъ себѣ счастливый женихъ оное благовремя, якъ онъ свою достойншю любимцш днесь вечеромъ сердечно поздоровитъ, и ей свою будущш судьбу поручитъ, таже то сама рѣзвая Ванда призвала его шмольно на праздникш, дабы онъ когда-то въ домъ ей родителей приѣхалъ!

А Порфирій? О тотъ заступаетъ проворно опорожненное мѣстце фирмана (извощика), и засунувши стариннюю шапку на шха, заѣхалъ передъ двери, и началъ вывивати батогомъ.

— „Паничу! выходѣтъ оуже разъ, и сѣдайте на сани, бо коники, не дай Боже, стояти не хочутъ, — та они залетѣли-бы на край свѣта!"

Не задолго вышелъ Іоаннъ, и попращавшися съ братомъ, завинулся въ шубы, и велѣлъ нетерпѣликому Порфиру ѣхати. —

А дорога-то дорога! Гей! якъ коравель по морѣ, такъ летатъ санки по гладкой санной дорозѣ.

По цѣлой краинѣ простерлась таинственная тишина прорываема иногда кракающимъ стономъ ворона, и тая тишина сѣла недвижимо надъ бѣлою ризою природы, котрой слези за утраченными дѣтьми студенным ледомъ на ей груди замерзали; а вѣтвистыи рамена оуединенно при дорозѣ схилившейся березы здавались быти источенными руками измученной, но теперь почивающей матери-природы....

Мгновеніемъ летѣли санки по пространной долинѣ; — весело форкали огнистыи кони.... Іоаннъ же погрузился въ глубокое философическое роздуміе, зачѣмъ Порфирій огонь до трубки изъ кременія кресалъ.

„Вотъ, якъ то свирѣпо перемѣнилась природа изъ цвѣтущего города въ тотъ гробъ!.. думалъ Іоанъ!.. Такъ то бываетъ! Хаосъ, рай, дружество стихій и розрушеніе атомовъ сутъ зрѣлища того міра! Тутъ плекаетъ твои чувства весенна свѣжесть ароматическимъ благоуханіемъ, а тамъ вдирается въ женскій супокой закостенѣлый ледъ враждебныхъ влеяній. Тутъ играетъ нѣжная любовь съ рожевыми цвѣтами, тамже будитъ практическій розумъ въ розвалинахъ домашнього счастія! Но акая-то дивная смѣсь! прочь теперь съ оною прозаическою дѣйствительностію, — бо я теперь ѣду въ оулюбленнюю страну мечтанія — до Ванды!"

—„Ой вы мой паничу щось дуже глубоко задумались!" озвался Порфирій, пакаючи изволна свою коротку трубку, — „вамъ добре есть оучено думати, бо есьте письменны, и якъ видно маете днесь якуюсь интенцію до думки, — но мнѣ скучно якось и не приходитъ ничо на гадку кромѣ одного приключенія изъ юныхъ лѣтъ, случившегося около Рождества."

„Ну! Порфирій, скажѣтъ тамъ якую изъ вашихъ любопитныхъ повѣстокъ. Вы всегда такъ любо говорите, а тѣмъ больше если рѣчь ведется о вашихъ собственныхъ отношеніяхъ;" сказалъ Іоаннъ пробудив-

шився изъ своего воздушного мечтенія.

— Бо то знаете, паничу! що я въ моемъ двадцатилѣтномъ вѣку заблудилъ былъ до Львова; а дѣялось то на самое Рождество, и съ Псалтырове въ руцѣ, зазиралъ я по церквахъ, хотячи службу регентовску найти."

Я гдежь вы изъучились такъ хорошо пѣти, що вы дерзнули въ самой столицѣ за хлѣбомъ смотрѣти?"

— „Ба оный славный дьякъ въ Бучачѣ вложилъ въ мой понимательный оумъ тое канторское искуство а должны вы знати, якъ въ нотахъ Фасольки я даже съ моимъ оучителемъ ровнался."

„Можетъ быти, но вашъ голосъ былъ безъ сомнѣнія прежде звучнѣйшимъ?"

— Якъ соловья!...... Ой несчастье мое — пекъ ти! та огонь въ трубцѣ цѣлкомъ погасъ, — ба и на кожуху пара замерзаетъ." —

— Прихожу я до святого Юра, — якъ подивился я горою до высокой церкви, то ажь свѣтъ мнѣ въ очахъ перевернулся, но тѣмъ не оустрашился я, но бодро вшелъ я въ самую церковь. Отправлялася Оутреня, а два дьяки спѣвали Ірмологій.. . та щожь? они съ книжки, а я съ памяти рѣжу за ними празничну пѣснь. Но о диво! приходитъ служба божія, и якъ зачнутъ сыпатись въ святую церковь молоденькіи клирики цѣлымъ стадомъ якъ стануть чудесными гласами спѣвати, мовь лики ангеловъ при небесномъ престолѣ, то мало що не повылѣзали очи мои, — съ такою ревностію внималъ я тѣмъ оудивительнымъ пѣвцамъ!"

„А вы не вторили имъ своимъ оувлекательнымъ теноромъ?"

— Та гдежь было можно! Тутъ предо мною сидитъ на тронѣ въ величественномъ оуборѣ нашъ Архіерей, мовь самъ Спаситель, яко то онъ изъображенъ есть на Іконостасѣ, и сами прелаты священнодѣйствуютъ съ нимъ, а на горѣ такъ очаровательно поютъ, що ажь сердце росплывается.

Мой ты милый Боже! тогда оузналъ я, що тутъ въ Львовѣ нѣтъ мѣстца для такого кантора якъ я, и бѣжалъ назадъ до моего Бучача, где свободнѣйше въ крилосѣ отдыхалъ я. Наконецъ куда крути, тамъ вертся, — досталъ ся я по многихъ путешествіяхъ на мое здѣшнее мѣстце."

„И сей часъ оженилисьтеся?"

— Ба розумѣется! Вотъ будетъ три лѣтъ тому якъ моя Настя оупокоилась; а была то добра жена, — правда, що часомъ любила напиватися, та не разъ и на лавѣ жидовской ночовала, но я на тое черезъ пальцы глядѣлъ, бо она почитала мя; а коли я пришедшей въ домъ паницѣ доброе поученіе вымѣрилъ, то вытверезившаяся Настуня положила на столъ предо мною смачный борщь и помащенну кашу. Да съ Богомъ почиваетъ!

— Нужь коники, рушайтесь скорше!"

„Но якажь была ей смерть?

— Се крутилось одного разу оучтивой женѣ въ головѣ, и захотѣлось ей хату чисто вымастити, пошла по глину, и не повернула больше, бо тяжкая глина забила несчастну въ ямѣ, и ажь на другій день найшли мы ею переваленну земнымъ бременемъ! Минулъ годъ, а на мясницы ошалѣлъ я старый, и оженился съ одною осмнадцатилѣтною дѣвчиною!"

Я вамъ що тогда сталось, Порфирій! вамъ гдесь по парастасѣ оумъ перевернулся?"

—„Вотъ видите, паничȣ! ꙗкъ то сотона старого обманитъ! Та ꙗ имѣю оуже тридцатилѣтнȣ дочкȣ, — моѧ внȣка имѣетъ оуже 14 лѣтъ а мнѣ — тф! нечезай бѣдо! и бери чертъ, що молода, дабы только що оучтивого и достойного въ ней было! Правда, що красна, но мнѣ съ того ничо не прибȣдетъ; а знаете паничȣ, що ꙗ ею только въ сорочцѣ и дымцѣ до себе прималъ, отже голоднȣ и холоднȣ ꙗкъ тотъ пень, а она мнѣ на старость честного слова не скажетъ, лишь, — пекъ ти осина! — мене сивого дȣракомъ прозываетъ! — Говъ, говъ! вороный! ой несчастнаѧ доле! — та мы по оуши въ снѣгȣ загрязли! Ой! щожь тȣтъ дѣлати! ꙗкїйсь злый дȣхъ перешелъ намъ дорогȣ!” . . .

И схопившисѧ съ саней началъ Порфирїй стогнати и въ головȣ скоблитись, бо кони и сани истинно гдесь въ ꙗкїйтамъ вертепъ засȣнȣлисѧ, которого злоприключенѣнїѧ самъ Порфирїй былъ виноватъ, понеже онъ обернȣвшисѧ до Їоанна, томȣжъ сказочки болталъ, зачѣмъ, своевольныи кони по бездорожїю охотились. — Вытащилсѧ и Їоаннъ съ саней, и по долгомъ оусилїю оудалось обомъ имъ вороного и сивого на правый пȣть извлечи.

Но теперь ꙗкъ пȣстилсѧ изъ мрачныхъ хмаръ гȣстый снѣгъ, ꙗкъ сталъ лютый вѣтръ цѣлы снѣжныи лавины въ лице Порфирїѧ и Іоанна вѣяти, — о! тогда даже и не возможно было правого пȣти держатисѧ; — а схоронивши очи и носъ въ воротникъ кожȣха, пȣстилъ Порфирїй конямъ дожки, и погрȣзилсѧ въ глȣбокое молчанїе! . . .

А метелица вѣетъ и вѣетъ, морозъ трещитъ, що ажь воробцы мертвыи на пȣти падаютъ, а коники бѣжатъ оуже вольнѣйше, бо теперь ни дороги, ни свѣта не видно. —

—„Во имѧ отца . . . . . . та гдежь мы заѣхали, — въ ꙗкїись степи; ой, родненька мати! кȣда же тȣтъ ѣхати? Тȣтъ бачȣ оуже и человѣкъ не обитаетъ, ибо и корчмы нигде не вижȣ!”

„Ей Порфирїй! ꙗкось зле ѣдете, ꙗ самъ не знаю, где мы теперь есьмы. Но гляньте передъ себе, щось тамъ чернѣетсѧ, не корчма-ли?”

— „Ой, паничȣ! истинно не вижȣ, — а мои окȣляры лишилъ ꙗ въ октоихȣ!.. Ба! таже то очевидна корчма, — маленька, маленька, а такой корчма! Нȣжъ вороный! скорше, а станешь не за долго при жолобѣ!”

„Ꙗкаясь дȣже лиха корчма, Порфире! ни дахȣ, ни воротъ, — въ ней сильнѣйше бȣдетъ вѣяти ꙗкъ на дворѣ”

— „Ба, пождайте но, — вы бы оуже хотѣли въ ꙗкихъ палатахъ гостити! Гей жиде! отвирай половинȣ воротъ!”

Высȣнȣлсѧ изъ сѣней низенькїй жидокъ, черныхъ кȣдравыхъ волосовъ, маленькихъ зеленыхъ очей, и огромного до оустъ сагающего носа, та мерзкихъ чертовъ лица, истый образъ Юди Искарїотского. Хотѧ зима остраѧ на дворѣ свирѣпствовала, былъ онъ оубранъ въ подертый лапсердакъ, а короткїи ноги клапали пантȣфлями.

(П. с.)

ПОЯВЫ ИЗЪ ЖИТЬЯ ШКОЛЯРСКОГО

въ теперѣшнемъ времени

(продолженіе)

III

Надошли розрѣшающіи дни съ концемъ мѣсяця липня. Якъ бы въ одинъ мигъ омолкли — глухли беззаботныи крики игры, спѣвы, сварки и споры школярскіи, а глубокая тишина огорнула

тревожнымъ ожиданіемъ все зданіе, що видѣлось прежде ажь ходило отъ буйного житія юности. Началось враждебное время испыту! . . . Тутъ объявитися должно якіи кто получилъ плоды по трудоносныхъ роботахъ ежигодовой науки. Теперь ажь будетъ истинное время полной струѣ радостей, якіи лишь юношеску грудь розколибати и парющего духа розвеселити могутъ. Чегоже сидятъ такъ безмолвно якъ бы погруженныи въ розсужденія о страшномъ судѣ? . . . Пренадлежатъ ли всѣ къ тѣмъ, которы ставувши передъ лицемъ строгихъ, непоблажаемыхъ судій, стоятъ съ ужасомъ и трепетомъ занехавши ободритися въ совѣсть по прежднимъ дѣланіямъ своимъ? Нѣтъ! то не тревога черного самовольного злодѣянія, которое пострадавши совершенно румянецъ стыда боится лишь самого строгого наказанія. Присмотримся близше отъ сему образу юности, да розчувствимъ ся солодкою тоскою къ триблаженнымъ временамъ тѣмъ, когда то столько лишь тревожного ожиданія было.

На первый видъ кажется всѣ суть въ одномъ душевномъ состоянію. Нѣтъ сему такъ по истинѣ. Нѣкоторыи между пѣвцами нещадѣвшими зъ дня на день черезъ весь годъ школьный ни грудей, ни горла, сидѣло со свѣшенною головою, будь то не они — тіи жизькіи юноши, неистощимыи въ жартахъ и въ свавольныхъ но не злостныхъ пакостяхъ. Тяжкая судьба повалилася на нихъ во видѣ неотвратительного присужденія начинати въ будущій годъ опять изъучатися того, чего въ минувшемъ не научились. Съ юношескою нетерпѣливостію да искреннимъ пожеланіемъ ожидали они отъ мѣсяца до мѣсяца, зъ тыждня на тыждень, зъ дня на день того хотя короткого но полного прелести времени, когда то свободныи якъ птички отправляются веселымъ летомъ къ родичамъ въ сельское затишіе. Уже отъ трехъ недѣль маячили себѣ о тѣмъ що прійдется имъ во время вакацій дѣлати; чѣмъ веселитись, та и якихъ засобовъ изъ мѣста набрати. Одни плавали въ шумящихъ кристальныхъ волнахъ Прута, Бестрицы, та и въ поважномъ, величественномъ корытѣ Днѣстра; ѣздили на коняхъ, собирали орѣхи, гойдались, перевертались въ соломѣ, спали на сѣнѣ а кушали прибаговъ якихъ лишь домашній припечокъ зналъ приуготовляти. Другіи же купивши бѣлы рукавички, и лакерованныи прехорошіи черевички, немогли сполна наслаждатися тѣмъ такъ прельстительнымь предузрѣніемъ, свѣдати всѣ праздники въ сусѣдствѣ и плѣнити всѣхъ красавицъ гражданскимъ складомъ и тономъ. Вотъ и чижъ не жалѣги имъ горько? . . . . Якъ бы ихъ чертъ понападалъ тѣхъ высокоученыхъ а мало знающихъ . . . мудрагелей; жесткостію розрушили — уничтожили всѣ тіи прельщательныи сновидѣнія, а изъ лихопадной бумаги вызирали мерзкими чертами другая класса. Черныи хмары залягли небесклонъ: богдай бы то никогда не посѣщата школы! . . .

— Вотъ и бачте! говорили вы: а то человѣкъ добродушный, онъ никому не любитъ та и не повредитъ никому; не дасть злой классы, нѣтъ! перепуститъ всѣхъ, а чи перепустилъ васъ! — Го! го! най ихъ тамъ громъ ясный побіетъ! не узрятъ они мене уже въ сей гимназіи. — Божь тотъ — и тотъ — и тамъ тотъ больше знаютъ отъ мене? — Они могутъ пойти выше, но мнѣ, мнѣ нужно годъ пострадати. — Нѣтъ! скорше пойду до войска, а о годъ остатись низше, то соромъ.

Прерываючи глубокое молчаніе озвался одинъ изъ между нихъ, и началъ скоро прохажатись по комнатѣ.

— Я не поѣду домовъ на вакаціи, промовилъ вторый.

— А я постараю ся тутъ о дурну прибавилъ третій.

— Етъ! отъ! по чемъ такъ западаете въ отчаяніе, промовилъ къ нимъ одинъ, надъ котрымъ еще бременна судьба во видѣ меча дамоклесового сѣла.

— Добре тебѣ такъ говорити, когда получивши доброе свидѣтельство отправившся безъ всей журбы во свояси, отрекъ одинъ изъ непотѣшныхъ.

И сновь розпространилось глубокое молчаніе, прерыванное неправильнымъ ступаніемъ нѣсколькохъ прохожающихъ ся отъ неудовольствія.

Послѣдній юноша желающій розвеселити горько засумованыхъ, былъ то тотъ самъ С. . . . изъучающій ся въ тоежь время, когда тамтіи выкрикивали. Хотя не имѣлъ принуки обавлятися, дабы не получилъ злой классы, то якъ бы чимсь тревожнымъ непокоенъ, сталcя непосидющимъ. Была то непевность между одобреніемъ

успѣха съ преимуществомъ, амежду одобреніемъ тбыкновеннымъ. Объучаючись совѣстно всѣхъ предподаваемыхъ предметовъ, гордился С. . . . уже на передъ тою мыслею, якъ то онъ па сесь годъ достигнетъ лучшей чести, та и родичамъ привезетъ большую потѣху. Класса не по его гадцѣ, засумовала и сажурилабъ его такъ, якъ злая непотѣщныхъ. Тожь и не могучи запомнути на предстоящую классификацію, подѣлялъ онъ скорше чувства несчастныхъ крикуновъ нежь веселился.

Иныи та и крѣпкійшеи чувства волнувались въ груди прежде зарозумѣлого М. . . . Навыкъ онъ былъ по мѣрѣ великого своего таланта получати классу черезъ всю вышу гимназію майже совершенно безъ всей науковой працы. Залежало много отъ предупрежденія учителей, а много и отъ собственного его счастія. Но последне многихъ обмануло, стремившихся до верха самого. Отбылся испытъ доспѣлости — М. . . . остался когда слабшихъ ба и значно слабшихъ талантовъ его сошкольники радостно спращали гимназію. М. . . не надѣялся конца такъ сумного; довѣряючи замного своимъ талантамъ, очень маленько прикладался къ наущѣ. Тожь отъ дня, когда рознеслась явная вѣсть, былъ зажуренный и погруженный въ тяжкой грижѣ, черезъ нѣсколько дней не явился даже въ обиталище. Стыдно видѣлось ему сойтися со прежднимъ знакомымъ который сдѣлалбы вопросъ: а якъ тамъ пошелъ вамъ испытъ? Но въ молодомъ сердцѣ находитъ боль великіи границы, переходитъ бо въ жаль, а на конецъ уничтоженный рѣшеніемъ исчезнетъ съ веселою пѣснею.

— Мои содруги! проговорилъ наконецъ М.... схопившись съ весельшимъ лицемъ изъ кута, въ котромъ отъ двохъ дней сидѣлъ безмолвно; есть то мерзкое лихо между нами, що чѣмъ котрый имѣетъ больше таланта, тѣмъ меньше дѣлаетъ имѣючи за стыдъ учитися: когда стыдали мы учитися, чемужь стыдаемся получивши злу классу?

Опустивши головы на груди станули всѣ червоныи якъ рожи.

— Вотъ други! а чей мы не посивѣли; припадѣмъ щиро къ наущѣ дабы ажь чела прѣли, а мара нехай тамъ журбою гризется: „Не журися мой Хозяю!" И якъ бы всѣ електричною силою троненны, съ полной груди, по долгомъ, тяжкомъ молчанію сялились въ тую пѣсню.

ДОПИСЬ ОТЪ СТАНѢСЛАВСКОГО

Слава Богу!

Не безъ принуки жалуется всече. дописиватель изъ Тернопольского въ 26 числѣ любезной нашей Зори, про такъ незначительну печаливость нашу относительно народного просвѣщенія нашего Когда высокое правителство наше вознамѣраючи общее благосостояніе величія и лѣпоты всесвѣтлой державы нашей, заведеніемъ народныхъ школъ, не медлитъ давати намъ явныи доказательства о своей благосклонности и печаливости, то полагетъ уповаючи на насъ, дабы мы спомоществовали подвигамъ его и въ цѣли просвѣщенія народного ни силъ, ни средствъ не щадѣли. Правда! народъ нашъ починается объучати, а якъ каждое такъ и тое начало есть трудное. Но по мѣрѣ трудностей приспориватюъ намъ усилія нашии и болшии заслуги. Тожь и дѣлати неутомительно дѣлати, когда есть на времени! —

По мнѣнію моемъ добре бы то было въ цѣли, якъ пишетъ дописиватель отъ Тернопольского въ наданію посѣщающему юношеству сельскому тривіяльныи школы духовного занятія религійными и нравствительными чтеніями; учреждити въ поперелъ книжвый фондъ по возможности въ громадѣ посилающей дѣти въ школьную науку. Такимъ дѣломъ не лише каждая благополезная книжечка безъ великого заходу купленна быти моглабы, но при существованію такихъ книжныхъ фондовъ, съ временемъ и со отвѣтна требованіямъ сельского народа нашего временнопись появитися и существовати моглабы. Далобы ся о томъ писати долго и широко, но я получивъ 26 число Зори начеркнулъ въ скорости гадку мою, не желаючи запускатися въ пространнѣйшую росправу. — Господи Боже благослови! да гадка тронитъ гадку, а съ тѣмъ ростутъ и поспѣшествуютъ дѣла нашии!

Н. М.

Тупомъ Института Ставропигіянского. Редакторъ Николай Савчинскій.